

СТАТЬИ Articles

Н. Е. Ананьева

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
ananeva.46@mail.ru*

ПРОИЗВОДНЫЕ КОНТИНУАНТЫ ОТ КОРНЕЙ *MIL-, *L'UB-, *LASK-, *KOH- В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ (СУБСТАНТИВЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПОНЯТИЕ 'ЛЮБОВЬ')

В статье сопоставляются субстантивные континуанты корней *mil-, *l'ub-, *lask- и *koh-, обозначающие чувство любви и родственные ему чувства в русском и польском языках (лексемы *любовь*, диал. *люба*, *милость*, *ласка*, *miłość*, *zamilowanie*, *umilowanie*, *lubość*, *laska*, *kochanie*), исследуется изменение семантики некоторых лексем (др.-польск. *lubiezny* / *lubieżny* 'любезный' → соврем. *lubieżny* — *lubieżność* 'похотливый, сладострастный' → 'похоть, чувственность'). Выявляются причины отсутствия в польском языке словообразовательного типа на *-любие*.

Ключевые слова: семантика, понятие 'любовь', сопоставительный анализ, существительное, русский, польский, древнепольский, диалектный.

Производные от общеславянских корней *mil- (родственен *mirь, имел исходное значение 'дружба, дружественный, любовный союз' [ЭССЯ 1993, 19:47]), *l'ub- (≤ и.-евр. *leubh- 'любить, желать'), *lask- (≤ и.-евр. *las- 'желать, быть жаждущим') и ограниченного северной Славией *koh- (генетически соотносимого с *kosnōti 'провести рукой' [ЭССЯ 1983, 10:111] и представленного в западнославянских языках, под влиянием польского в белорусском и украинском идиомах, а также в ряде русских говоров), являются, в частности, компонентами концепта или концептуального поля 'любовь' (ср. такие доминантные лексемы этого лексико-семантического поля, как польск. *miłość*, русск. *любовь*, чешск. *láska*, польск. *kochanie* и др.). Данный концепт неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Так, на материале паремий русского и испанского языков он был исследован С. Г. Воркачевым [Воркачев 1995]. На материале польского языка понятие 'любовь', репрезентируемое субстантивом *miłość* и глаголом *kochać*, с применением теории фреймов анализирует М. Гломбска [Głomska 2012]. Истории изменения значений в словах, обозначающих 'любовь' в чешском, словацком и польском языках, посвящена статья И. Рейзека [Rejzek 2012].

В статье мы ограничиваемся анализом только субстантивных компонентов концепта ‘любовь’, номинирующих производными от вышеуказанных четырех корней, это чувство и близкие к нему чувства и свойства (благосклонность, доброжелательность, любезность, расположение, милость), а также генетически связанных с этими корнями названий других свойств (ср. *lubieżność* ‘сладострастие, чувственность’). Данный концепт составляют также глагольные номинации состояния / проявления любви и близких к нему чувств (*любить, kochać*, устар. *miłować, ласкать(ся), miłować*, др.-польск. *lubować, миловаться*, диал. *любивать* и мн. др.), субстантивные и адъективные названия субъекта и объекта (актантов ситуации) подобных чувств (*kochany, kochanek*, др.-польск. *oblubieniec* ‘жених’ — ср. совр. *Józef Oblubieniec* ‘Иосиф Обручник’, *любимый, любовник, возлюбленный, любитель*, диал. *любимка* ‘любимица’, *милый, miłośnik*, устар. *lubownik*, диал. *любимушка* и мн.др.), мелиоративные наречные определители действия / состояния с корнями **lub-*, **mil-*, **lask-* (*любо, любо-дорого*, диал. *любо* ‘смешно’, ‘нарядно’, ‘с удовольствием’, ‘красиво’, ‘приятно’ и др., диал. *любимо* ‘хорошо’, диал. *любка* ‘хорошо’, ‘много’, *мило, łaskawie, ласково* и мн. др.). При этом (в частности, в диалектном русском языке) субстантивы, обозначающие субъекта действия, могут иметь пациентивный суффикс, а называющие объект действия — агентивный. Ср.: *любитель* в архангельских говорах представляет собой не только *poimen agentis* ‘любитель’, но и *poimen pasientis* — ‘любимец’, ‘тот, кого любят’: (*Кот любитель евный, на коленях* [Картотека арх.])¹, а *любимчик* (со страдательным суффиксом *-им*), помимо специальных значений, о которых мы скажем ниже, обозначает субъекта действия — ‘любитель, не профессионал’ (*Таки любимцики теперь только охотятся* [Картотека арх.]).

В сферу полного анализа концепта ‘любовь’ должны также входить составляющие ономастического пространства, содержащие компоненты *люб-* и *мил-* (ср. славянские биномы типа *Людмила, Vogumił* и под., фамилии вроде *Любомирский, Lubaś*, топонимы типа *Lublin, Люблино* и даже «говорящие» номинации персонажей — ср. извлеченный Л. А. Трахтенбергом из журнала Н. И. Новикова «Трутень» онимизированный апеллатив *Влюбчив* [Трахтенберг 2017:77]). Обращает на себя внимание также частое наличие в обоих сопоставляемых языках корней **lub-* и **mil-* в номинациях растений (польск. литер. *lubaszka* — тернослива, тернослив, *lubczyk* — *зоря, любисток*, русск. диал. *любим* — многолетнее травяное растение семейства орхидных, *любима* и *любимка* — липучка репейчатая [Словарь р.г. Приамурья 1983]), *любовка* — название полевого растения [Картотека арх.])

В «Варшавском словаре», кроме вышеуказанных *lubaszka* и *lubczyk*, приводится целый ряд ботанических номинаций с корнем *lub-*, в том числе диалектных (даны в квадратных скобках) и вышедших из употребления древнепольских (со знаком †): *lubieszczyk, lubiśnik, lubszczek, lubszczyk, †lupieszczek, lubystek, lubystka, lubystoczok, lubis, lubist, lubistek, [libek], [libiuszczek], lubezna, †lubezenka, [lubka], lubotka* и др. [Sł. Warsz. II].

¹ Примеры, приведенные в источниках в фонетической транскрипции, здесь даются в орфографической записи.

Ср. употребление номинации растения *lubieszczek* в древнепольском тексте — «Разговоре магистра Поликарпа со смертью»: *Darmo poszywacz lubyeszczka / Yuszczysgothowana deszczka* [Vrt. 1969: 204]. Данное концептуальное поле, как и другие лексико-семантические поля, исторически изменчиво, и не только вследствие утраты одних слов и возникновения других. Изменяются семантика и оттенки значений ряда стабильно сохраняющихся в том или ином идиоме лексем. Например, у А. С. Пушкина слово *любовник* имело не только то значение, в котором мы его употребляем сейчас, но и значение ‘любитель’. Ср.: *Где ты, ленивец мой? / Любовник наслажденья!* («Послание к Галичу») [Пушкин 1949: 33]. Изменение семантики польск. *lubieźny* мы проанализируем ниже.

В производных континуантах с указанными корнями возможно как расширение первоначального значения, так и его сужение, специализация. Например, в русских адъективах и адвербативах с корнями *люб-* (*любий* / *любой*, диал. *любливый*, диал. *любковатый*, *любо*, диал. *любко*, диал. *любимо*) на базе значения ‘то (тот), что (которого) любят, то, что нравится’ сформировалось обшемелиоративное значение ‘хорошо, хороший’ и более частные ‘приятно, приятный’, ‘красиво, красивый’: *любо посмотреть* ‘приятно’, *ведь любо* — *сидишь в избе* ‘хорошо’, *у нас там любо жить* ‘хорошо’, *Митька любий* был мужик ‘красивый’, *мне внуки любее детей* ‘сравнит. степень — лучше’, *у меня сто раз любяя твоего в хате* ‘лучше, красивее’, *не любко ей* ‘нехорошо’, *как-то любимо отнеслась женщина* ‘хорошо, по-доброму’ [Картотека арх.].

О близости значений корней *мил-*, *люб-*, *лask-* (‘хорошо, красиво’) свидетельствуют редупликации типа русских диалектных *любо-мил*, *любо-ласкаво* (ср. лите- р. *любо-дорого*). Ср.: *любо-ласкаво вы их встречаете, хорошо-то угощаете; Раньше нарядаются девоцки любо-мил* [Картотека арх.]. И даже сочетание наречия с существительным *любо-милость* ‘хорошо, красиво’: *то ли дело платье, так любо-милость смотреть* [там же].

На базе значения ‘хорошо’ в диал. *любо*, *любко* могли сформироваться более узкие значения: ‘много’ (*любко*), ‘нарядно’ (*любо*). Примером специализации значения является номинация в архангельских говорах внебрачного ребенка — *любимчик* (‘плод любви’), вытеснившая более раннее образование *сколотыш* / *сколотный*: *Нынче сколотным не зовут, любимчиком зовут* [Картотека арх.].

В этих же говорах функционирует еще одна номинация незаконнорожденного ребенка с корнем *люб-* — адъективный композит *любоделанный* (ср. *Любодейчищ* м. жировой, прогульный, безбрачно-рожденный. [Даль² II: 283]).

Второе специализировавшееся значение лексемы *любимчик* в архангельских говорах — ‘сладкоежка, лакомка’.

Анализируя существительные с вышеуказанными четырьмя корнями, номинирующие любовь и близкие к ней чувства и состояния, мы реализуем следующие 2 основные задачи: 1) выявление различий в семантике и функционировании этих лексем в современном русском и польском языках (в первую очередь, в их литературных вариантах, но также с привлечением некоторых примеров из диалектного языка и в отдельных случаях с историческим комментарием); 2) приведение

функционально-семантических и переводных эквивалентов для той или иной лексемы, содержащей один из вышеуказанных корней в одном из сопоставляемых языков при отсутствии формального аналога в другом.

Ю.Д. Апресян дает такое толкование значения слова *любовь*: «Любовь X-а к Y-у (например, любовь к книгам, к природе, к искусству, к детям, к родителям, к родине) = «Чувство, испытываемое X-ом по отношению к Y-у, который приятен X-у и вызывает у X-а желание быть в контакте с Y-ом или каузировать Y-у добро» [Апресян 1995:107]. Субстантивная номинация этого чувства в русском языке представлена лексемой *любовь*. В русских диалектах это значение отмечается также в субстантивированном феминативе, образованном от прилагательного **l'ibъ*: *любá* (ср. *Не по любе если идет, сразу отказывается, поп не венчает* [Словарь р.г. Сибири 2001: 242]. То же значение зафиксировано, например, в олонечких говорах [ЭССЯ 15: 167] и в архангельских говорах (*любá* и *люба*: *По любé пошла // А так по любе выходили* [Картотека арх.]). При этом в архангельских говорах, в частности, наряду с лексемой *люба* фиксируется и совпадающая с литературным языком номинация *любовь* (ср. словосочетания *вести любовь* ‘крутить любовь’, *быть в любви* ‘быть любовником’ — *Знакомый был, не то что в любви, так; по любви // (не) в любовь* ‘(не) по любви’ — *Всё жила не в любовь* [Картотека арх.]). Любопытно, что диалектоносители различают понятия «сухая любовь» (любовь без половых отношений) и «мокрая любовь» (любовь с половыми отношениями): *Суха-то любовь всех лучше. А мокра любовь никуда не годится* [Картотека арх.]. Предложно-падежные словосочетания «в любви» и «за любовь» специализировались в этих говорах в адвербиальном значении ‘охотно, с радостью, с удовольствием’: *В любви-то носила то платье; Сыроежка та не опасна, да за любовь берем; Тако пальто красиво было, ево за любовь носила* [Картотека арх.].

Как всякому абстрактному существительному, субстантиву *любовь* не свойственно употребление во множественном числе. Однако такое употребление встречается в языке художественной литературе (ср. род. мн. *любовей* и *любвей* у В. Маяковского: *Где бульвар / вздыхал / весною томной, / не таких / любовей / лития, — огнегубые / вздыхают топкой домны, / рассыпаясь звездами литья. — «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского» [Маяковский 1961, I:128]; *Пока выкипячивают, рифмами пилюкая, из любвей и соловьев какое-то варево...* — «Облако в штанах» [Маяковский 1961, II:18]). У того же поэта представлены отсутствующие в нормативном русском языке аугментатив *любовища* и деминутив *любёночек* при плюративе *любята*: *Я хочу, чтоб сверхставками спéца / получало / любовищу сердце. — «Бруклинский мост» [Маяковский 1961, I:243]; *Будет любовь или нет? / Какая — / большая или крошечная? / Откуда большая у тела такого: / должно быть, маленький, / смиренный любёночек* — «Облако в штанах» [Маяковский 1961, II:10]; — *это сквозь жизнь я тащу / миллионы огромных чистых любовей / и миллион миллионов маленьких грязных любят.* — там же [Маяковский 1961, II:36]. Но в еще большей степени, чем В. Маяковский, экспериментирует со словами с корнем *люб-* В. Хлебников — автор симфонии «Любь», в которой наряду с узуальными словами с этим корнем**

приводятся в неизмеримо большем объеме по сравнению с общелитературными лексемами авторские новообразования различной частеречной принадлежности, включая и отмеченные у Маяковского (*любёнок, люблица*). Приведем только один абзац из этой симфонии, целиком состоящей из нанизываемых друг на друга образований с корнем *люб-*:

Любочеств любрак, любровник любнеющий с прилюбленелым любилом, любень любилень любящей, любязь олюби любков, в любню любух любекой влюбчий занедолюбил любимое безлюбье любоя любей любежников, любнел, в олюбенелые нелюби любезя.

В польском языке доминантной субстантивной лексемой концепта 'amor' является слово с корнем *mil-* (*miłość*). Известная польскому языку субстантивная лексема с корнем *lub-* и с тем же суффиксом *-ość* (*lubość*) в современном литературном языке квалифицируется как устаревшая и имеющая значения 'удовольствие, наслаждение, пристрастие' (ср. сохранившееся клише *z lubością* 'с удовольствием, с наслаждением'). В древнепольском языке наряду с основными значениями, представленными и в новую эпоху ('пристрастие, наслаждение, склонность к чему-л., похоть') отмечалось в качестве периферийного значение 'любовь (к чему-л.)': ср. *Każdego swoja lubość, swoja żądza pędzi* у Шимона Шимоновица — 16 в. [Reczek 1968: 187]. Это значение сохранилось в диалектном польском языке (*Documata sobie wierności i lubości na zówse*) [Sł. Warsz. II: 770]. Формальный русский аналог *любость* известен диалектам в значениях 'восхищение, приятное удивление', 'хорошие дружеские отношения' [ЭССЯ 1988, 15: 179].

Деминутив от польск. *miłość* — *miłostka* специализирован в значении 'флирт, небольшой роман, интрижка'. Также известно польскому устаревшее *miłowanie* 'любовь', соотносящееся с вытесненным из литературного языка более новым *kochać* глаголом *miłować*. Зато префиксальные образования *zamiłowanie* (*do czegoś, w czymś*) 'любовь к чему-л.; увлечение чем-л., влечение к чему-л.' и *umiłowanie* (*czegoś*) 'любовь к чему-л., приверженность чему-л.' являются актуальными лексемами современного литературного польского языка. Ср. *zamiłowanie do pracy* — любовь к труду; *mieć zamiłowanie do czegoś* — любить что-л., увлекаться чем-л.; *robić coś z zamiłowaniem* — делать что-л. с любовью / с увлечением; *robić coś z umiłowania* — заниматься чем-л. по внутреннему влечению (по призванию); *umiłowanie ojczyzny* — любовь к родине, *umiłowanie prawdy* — приверженность к истине, правдолюбие, *umiłowanie wolności* — любовь к свободе, свободолюбие (в современном польском литературном языке представлен глагол *umiłować* 'полюбить' при отсутствии глагола *zamiłować*).

В обоих сопоставляемых языках слово *милость* — *miłość* в сочетании с предшествующим ему местоименным определением *wasza-wasza* употреблялось в функции вежливого обращения, как правило, к вышестоящему, титулованному лицу: *Wasza милость, wasza miłości*. В польском языке, подобно русской форме «*вашество*» (ср. в «Смерти чиновника» А. П. Чехова: так Червяков обращается к генералу), в которой «превосходительство» сократилось до «ство», вокатив лексемы *miłości* обычно предстает в сокращенном виде *mości* или *mość*

(ср. *mości panie* ‘милостивый государь, сударь’, *mości pani* ‘милостивая государыня, сударыня’; (*Wasza, Jego, Ich*) *Królewska mość* (ваше, его, их) королевское величество, *Jego Królewska (Cesarska) mość* — его королевское (императорское) величество; *jego książęca mość* — его величество князь. От *mość pan* и *mości pani* были образованы сокращенные формы фамильярного обращения *mospan* и *mospani*, а также уст. шутл. *mościć* величать кого-л. *mości pan*. Сегмент *mość* вошел также в состав лексем *jejmość* (1. шутл. какая-то женщина, 2. уст. ее милость, госпожа) и *jegomość* 1. какой-то человек, мужчина; (ср. *jakiś starszy jegomość* — какой-то пожилой мужчина); 2. уст. его милость; господин, хозяин (*król mość* — его королевская милость); 3 разг. уст. ксёндз. Функционировали в польском языке также производные от *jegomość* и *jejmość*: прилагательное *jegomościny* (устар.): ср. *jegomościny syn* — сын Вашей милости; субстантив *jejmościanka* устар. ‘барышня’.

Хотя мы не рассматриваем в данной статье глагольные компоненты концептуального поля ‘любовь’, необходимо отметить, что благодаря тому, что в современном русском языке доминантные субстантивы и доминантные глагольные лексемы, обозначающие чувство любви и проявление (нахождение в состоянии) этого чувства, имеют один и тот же корень *люб-* (*любовь*, диал. *люба*, *любить*, диал. *любливать* (*ся*), *любиться* ‘любить друг друга’, *любляться* и разнообразные префиксальные глаголы с корнем *люб-* и т. д.), а в польском языке доминантной субстантивной лексеме *miłość* соответствуют в современном языке глаголы с иными корнями (более новым *koch-* и древним *lub-*), причем между *lubić* и *kochać* существуют семантические различия (на которых мы подробнее остановимся в последующих публикациях), производные континуанты с корнем **lub-* в современном русском языке обладают большей лексической мощностью по сравнению с польским, которую усиливают словотворческие эксперименты Хлебникова и Маяковского. Хотя в отдельных фрагментах лексической системы могут быть представлены польские образования с корнем *lub-*, отсутствующие в русском языке. Так, в компьютерной лексике русскому англицизму *лайк* (англ. *like* ‘нравиться’) и производному от него англо-русскому гибриду *лайкнуть* соответствуют переводные польские *polubienie* и *polubić*.

Отглагольное существительное *kochanie*, являющееся герундиальной формой от *kochać*, употребляется также часто в функции обращения, номинируя объект любви или выражаемого благосклонного чувства говорящего по отношению к адресату. При этом на русский это обращение переводится как мелиоративами с корнями *lub-* и *mił-* (*любимый*, *милый*), так и прилагательным *дорогой* (*ая*). Корень *koch-* противопоставляется русск. *люб-* и в производном от прилагательного *kochliwy* существительном *kochliwość* «влюбчивость», номинирующем уже не чувство, а свойство человека. Русск. формальный аналог польск. *miłość* *милость* имеет иное, хотя и соотносящееся с ‘каузацией Y-у добра’ (по Апресяну) значение: ‘доброе отношение; дар; доверие, расположение’ («*Милость* к падшим призывал» Пушкин, оказать *милость* и т. д.). Отсюда производные — *помиловать*, *помилование*, *смиловаться*, *умилостивить* и т. д.

В современном польском литературном языке русск. *милость* соответствует лексема *laska* — ещё один субстантивный репрезентант понятия ‘любовь’ в славянских языках (ср. совр. чешск. *láska*, др.-польск. *laska* ‘любовь’ — *Dawam się też winna ze trzech cnot boskich: wiary, nadzieje i laski* — источник XVI в. [Reczek 1968:191]). Соответственно, русск. юр. *помилование*, *помиловать* аналогами являются польск. *ulaskawienie* или *laska, ulaskawić*. (Ср. *быть в милости* у кого-л. — *być w laskach*, *удостоиться милости* — *dostać laski*, *снискать чью-л. милость* // *расположение* — *zaskarbić sobie czyjąś łaskę*; *из милости* — *z laski*). Естественно, что правила лексической сочетаемости требуют в ряде случаев при переводе с польского на русский замены слова «милость» синонимичными лексемами (*wkraść się w czyjeś laski* — *вкрасться в доверие* к кому-л.). Лексема *laska* в определенных словосочетаниях в русском могут соответствовать лексема *любезность* (т. е. с корнем *l'ub) и *одолжение* (*zrobić łaskę* — *сделать одолжение, оказать любезность*). А русский перевод пословицы *Łaska pańska na pstrym koniu jeździ* «воскрешает» старое значение ‘любовь’ для лексемы *laska*: *Барская любовь изменчива*. Аналогом ряда производных от русск. *милость* слов в польском могут быть представлены лексема, не соотносящиеся с корнями-«репрезентантами» любви (ср. *милостыня* — польск. *jałmużna*, из чешского *almužna*, являющегося, в свою очередь, германизмом — *Almosen*). Однако в качестве диалектного в «Варшавском словаре» указывается слово *laska* в значении ‘просьба, выклянчивание, нищенство’ и приводится словосочетание *chodzić po łasce*, т. е. собирать подаяние, милостыню [Sł. Warsz. II].

Русск. *ласка* толкуется словарями как 1. Проявление нежности, любви (*Согреть душу лаской. Материнская ласка. Расточать ласку.*); 2. Добрые, приятельские отношения, обращение (*Спасибо за вашу ласку. Лаской от него можно добиться всего.*) [Ушаков 2001, 1:604]. При этом *ласка* может включать в себя и физический контакт с объектом ласки (*любовные ласки, ласкать ребенка*). В диалектном русском языке отмечаются суффиксальные образования со значением ‘ласка’: *ласкотá, ласкотка* (ср. *А женицине ведь что надо — ласкоту* — Колосовский р-н Омской обл.; *Страхом и ласкоткой к нему подходили, но унять не могли* — Кижинчинский р-н Республ. Бурятия. *Ласкоткой он ее и взял. На ласкотку он был мастер.* — Баргузинский р-н Республ. Бурятия; — *С детьми если ласкоткой, то ещё лучше.* — Кабанский р-н Республ. Бурятия [Словарь р.г. Сибири 2001:198]).

Любопытно, что в польском формальном аналоге русск.диал. *ласкотка* — плуративе *laskotki* специализировалось значение определенного физического контакта — ‘щекотка’ (ср. *laskotać* — щекотать). Русск. *ласка* соответствуют в литературном польском языке лексема, не являющиеся производными от анализируемых четырех корней (*pieszczota* — например, материнская ласка — *pieszczota macierzyńska; życzliwość, serdeczność* ‘доброе, приветливое отношение’). В обоих литературных языках функционируют субстантивы на *-ość*, мотивируемые прилагательными (соответственно, русск. *ласковый* -> *ласковость* и польск. *laskawy* -> *laskawość*). Они довольно близки по значениям ‘доброжелательность, благожелательность, благосклонность’, но в русск. *ласковость* выделяется оттенок

‘проявление нежности, ласковое отношение, старание вызвать лаской ответную ласку’ (*ласковостью добился всего*).

Обращает на себя внимание различие в семантике производных от адъективов существительных русск. *любезность* и польск. *lubieżność* в современных литературных языках. Если русск. *любезность* (мотивированное прилагательным *любезный* ‘приятный, внушающий любовь, симпатию’, устар. в обращении ‘дорогой, милый’) означает свойство ‘быть приятным, милым, учтивым’ и т. д., то польск. *lubieżność*, мотивированное прилагательным *lubieżny* ‘чувственный, сладострастный’, обозначает это свойство (‘чувственность’, ‘сладострастность’, ‘похоть’). Это значение в польском возникло вследствие специализации значения ‘желать’, содержащегося в и.-евр. **leubh-* ‘любить, желать’, а именно ‘желать полового контакта’. В древнепольском языке прилаг. *lubieżny* (употребляемое наряду с *lubieźny*) имело то же значение, что в современном литературном русском языке, означало ‘милый, приятный, добрый’ (ср. *lubieżny gość* *wszystkim* Р. Пуł [Reczek 1968:187]). В древнепольских текстах определения *lubieżny*, *lubieżna* относятся к Иисусу и Деве Марии, что является показателем их мелиоративного значения: например, об Иисусе: *w bakaniu groźny, w wspomnieniu łaskawy, lubieżny, miły i wesoly* (*Żywot Pana Jezusa Krysta Baltazara Opcia*. Wyd. Hallera i Wietora z r. 1522 [Vrt. 1969: 233]); О Деве Марии: *Oczy były cudne a yasne, na ueszerzenie lubieźne, myernego ueszerzenia łaskauego, pokornego* (*Kazania Jana z Szamotuł Paterka* — н. XVI в. [Vrt. 1969: 144]). Употребление в одном ряду прилагательных с корнями *lask-*, *lub-* и *mił-* — дополнительное свидетельство их семантической близости. Функционировало также существительное *lubieź* в значении ‘очарование, привлекательность, прелесть’. Русск. *любезность* представляет собой также семантический конденсат (универб) сочетаний со значением ‘нечто любезное’ (*любезность* = любезная фраза, *любезность* = любезная услуга, одолжение и т. п.).

Остановимся еще на некоторых субстантивных композитах с корнями **mił-* и **lub-*. Если номинация *miłosierdzie* — *miłosierdzie* (лат. *misericordia*) присутствует в обоих языках, то русским образованиям на *-любие*, в которых первая часть обозначает объект чувства ‘любви’, а вторая само это чувство (*вольнлюбие, самолюбие, свободолубие, миролюбие, корыстолубие, сребролюбие, властолубие* и мн. др.), в польском соответствуют словосочетания с существительным *miłość* (любовь) или с синонимичными ему словами (*żądza* ‘сильное желание, жажда’ и др.) и номинацией объекта либо в виде определения к этому субстантиву (ср. *miłość własna* — *самолюбие*), либо в качестве предложно-падежной или беспредложной конструкции, управляемой этим существительным (*miłość do wolności* // *umiłowanie wolności* — *вольнлюбие, свободолубие, umiłowanie pokoju* — *миролюбие, zamiłowanie do pracy* — *трудолюбие, umiłowanie prawdy* — *правдолубие, żądza władzy* — *властолубие, żądza zysku* — *корыстолубие*).

Наконец, вообще в польском может быть представлена иная лексема (*pożądliwość, lubieżność* — *сластолубие, chciwość* — *сребролюбие, wyrachowanie, interesowność, chciwość* — *корыстолубие, pracowitość* — *трудолюбие, zgodliwość, łagodność, pokojowość* — *миролюбие*). Естественно, что производные от номинаций указанных

свойств прилагательные и существительные с семантикой ‘обладатель / носитель данного свойства’ также различаются в польском и русском языках (*вольнoлюбивый / свободoлюбивый* — *miłujący wolność*, *мирoлюбивый* — *miłujący pokój*, *властoлюбивый* — *żądny władzy*; *мирoлюбец* — *miłośnik pokoju*, *кинoлюбитель* — *miłośnik filmu*, *filmowiec-amator*, *книголюб* — интернационализм *bibliofil*, *однолюб* — *stały w uczuciach*, т. е. ‘постоянный в чувствах’ — описательная конструкция и т. д.). Если в польском представлена одна (уникальная) лексема на *-lub* (*samolub* ‘себялюбец, себялюб’, являющаяся мотивирующей для номинации свойства — *samolubstwo* ‘себялюбие’, т. е. направление деривации противоположно деривационному процессу типа *мирoлюбие, вольнoлюбие* → *мирoлюбец, вольнoлюбивый*), то в русском языке субстантивы на *-люб* относятся к продуктивным словообразовательным моделям. (Ср., например, зафиксированное нами в речи радиоведущего *пиволюб* ‘любитель пива’).

Рассмотренное различие объясняется тем, что слова на *-любие* возникли в русском под воздействием старославянского, в котором, в свою очередь, они образовались как кальки с греческого (ср. стсл. *нищэлюбие* — *φιλοπτωχία* ‘любовь к бедным’, *страннолюбие* — *φιλοξενία* ‘гостеприимство’ [Старославянский словарь: 384, 628]). История польского языка, как известно, связана не с греческим, а с латинским влиянием.

Таким образом, мы видим, что с учетом данных языка более древнего периода и диалектного языка субстантивная репрезентативная база понятия ‘любовь’ в обоих сопоставляемых языках расширяется (ср. др.-польск. и диал. *laska* ‘любовь’, др.-польск. *lubość* ‘любовь’, устар. польск. *miłowanie* ‘любовь’, диал. *люба* ‘любовь’).

Общеизвестная закономерность возможной дифференциации на синхронном уровне того, что совпадало на более раннем этапе развития сопоставляемых генетически родственных языков, экземплифицирована изменением семантических отношений между русск. *любезный* → *любезность* и польск. *lubieżny* → *lubieżność* (специализацией значения ‘чувственный, сладострастный, похотливый’ в польском прилагательном и ‘похоть, сладострастие, чувственность’ в производном от него существительном). Различия в языковых структурах могут быть обусловлены различиями в истории формирования сопоставляемых языков (отсутствие в польском языке композитов типа *свободолюбие*). Доминантная субстантивная лексема, обозначающая понятие ‘любовь’, может ослаблять свою «любовную» семантику и обозначать родственные любви, но не идентичные ей чувства (‘радость’, ‘удовольствие’, ‘охота’ — ср. словосочетания *носить* (одежду) в *любви* // за *любовь* в архангельских говорах).

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Воркачев С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Научные доклады высшей школы. Филологические науки 1995, № 3. С. 56–66.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. И-О. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.

Картотека арх. — Картотека Словаря архангельских говоров.

Маяковский В. Стихотворения и поэмы в двух томах. Том первый. Стихотворения. Том второй. Поэмы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.

Пушкин А. С. Сочинения. Редакция текста и комментарии М. А. Цявловского и С. М. Петрова. М.: ОГИЗ, 1949.

Словарь р. г. Приамурья — Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.

Словарь р. г. Сибири — Словарь русских говоров Сибири. Том 2. К-Н. Под ред. д-ра филологических наук, проф. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 2001.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.

Трахтенберг Л. А. Поэтика портрета и парадигматическая композиция в журнале Н. И. Новикова «Трутень» // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. Отв. ред. член-корреспондент РАН Н. Д. Арутюнова. 2-е издание. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 68–82.

Толковый словарь русского языка. Под редакцией профессора Д. Н. Ушакова, члена-корреспондента Академии Наук СССР. Том 1. М.: Мир книги, 2001.

ЭССЯ 1983 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 10. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубочёва. М.: Наука, 1983.

ЭССЯ 1998 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 15. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубочёва, М.: Наука, 1998.

ЭССЯ 1993 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 19. Под редакцией академика РАН О. Н. Трубочёва. М.: Наука, 1993.

Głabska M. Rama interpretacyjna pojęcia ‘miłość’ w polszczyźnie // Odkrywanie znaczeń w języku. Redakcja naukowa A. Mikołajczuk i K. Waszakowa. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2012. S. 105–123.

Reczek S. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1968.

Rejzek J. Wyrazy oznaczające miłość w języku czeskim, polskim i innych językach słowiańskich (Przekład skróconej wersji artykułu) // Odkrywanie znaczeń w języku. Redakcja naukowa A. Mikołajczuk i K. Waszakowa. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2012. S. 286–289.

Сл. Warsz. II — Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Словник языка польского. Выдание фотоофсетовое. Том drugi. Н-М. Państwowy Instytut Wydawniczy. Poznań, 1952. [Warszawa, 1902].

Vrt. — Vrtel-Wierczyński S. Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do r. 1543. Warszawa, 1969.

N. E. Ananyeva

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

ananeva.46@mail.ru

**DERIVATIVES FROM THE ROOTS *MIL- *L'UB-, *LASK-, *KOX-
IN RUSSIAN AND POLISH
(NOUNS WHICH DESIGNATE THE CONCEPT 'LOVE')**

This article is the confrontative analysis of the nouns which are derived from the Protoslavonic roots *mil-, *l'ub-, *lask-, and *kox- in Russian and Polish, both in their literary and dialectal forms. All these nouns belong to the lexical field 'love'.

Key words: semantic, concept 'love', confrontative analysis, noun, Russian, Polish, old Polish, dialect.

References

Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy. Tom I. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected Works. Lexical semantics]. 2nd edition, revised and augmented. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., Vostochnaya literatura Publ. RAS, 1995.

Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Interpretative Dictionary of the Live Russian Language]. Volume 2. I-O. Moscow: State Foreign and National Dictionaries Publishing House, 1955.

ESSJa 1983 — *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issue 10. Edited by Corresponding Member of of the Academy of Sciences of the USSR O.N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1983.

ESSJa 1993 — *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issue 19. Edited by Corresponding Member of of the Academy of Sciences of the USSR O.N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1993.

ESSJa 1998 — *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issue 15. Edited by Corresponding Member of of the Academy of Sciences of the USSR O.N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1998.

Głąbska M. Rama interpretacyjna pojęcia 'miłość' w polszczyźnie [Interpretive frame of the concept 'love' in Polish]. *Odkrywanie znaczeń w języku* [Discovery of Meanings in Language]. Edited by A. Mikołajczuk and K. Waszakowa. Publication of the University of Warsaw. Warszawa, 2012. P. 105–123.

Kartoteka arkh. — *Kartoteka Słowary arkhangel'skikh govorov* [The card file for the Dictionary of Arkhangelsk Dialects].

Mayakovskii V. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verse and Poems] in two volumes. Volume 1. Verse. Volume 2. Poems. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1961.

Pushkin A. S. *Sochineniya* [Works]. Edited and commented by M. A. Tsyavlovsky and S. M. Petrov. OGIZ Publ. Moscow, 1949.

Reczek S. *Podręczny słownik dawnej polszczyzny* [A Concise Dictionary of Old Polish]. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1968.

Rejzek J. Wyrazy oznaczające miłość w języku czeskim, polskim i innych językach słowiańskich (Przekład skróconej wersji artykułu) [Expression of the meaning 'love' in Czech, Polish and other Slavic Languages]. *Odkrywanie znaczeń w języku* [Discovery of Meanings in Language]. Edited by A. Mikołajczuk and K. Waszakowa. Publication of the University of Warsaw. Warszawa, 2012. P. 286–289.

Sł. Warsz. II — Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. *Słownik języka polskiego*. Photo-offset edition. Volume 2. H-M. National Publishing Institute. Poznań, 1952. [Warszawa, 1902].

Slovar' r. g. Priamur'ya — *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [Dictionary of Russian Subdialects of the Amur Region]. Nauka Publ., Moscow, 1983.

Slovar' r. g. Sibiri — *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Volume 2. K-N. Edited by Prof. A. I. Fedorov. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001.

Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) [Old Church Slavonic Dictionary (based on the 10th-11th century manuscripts)]. Edited by R. M. Tseitlin, R. Vecherka and E. Blagova. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1994.

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Interpretative Dictionary of the Russian Language]. Edited by Prof. D. N. Ushakov, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR. Volume 1. Moscow, Mir knigi Publ., 2001.

Trakhtenberg L. A. Poetika portreta i paradigmaticeskaya kompozitsiya v zhurnale N. I. Novikova «Truten'» [The Poetics of Portrait and the Paradigmatic Composition in N. I. Novikov's *Truten'*] // *Logicheskii analiz yazyka. Chelovek v inter'ere. Vnutrennyaya i vneshnyaya zhizn' cheloveka v yazyke* [Logical Analysis of Language. Human in the Interior: Internal and External Life of Human in Language]. Editor in charge N. D. Arutyunova, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR. 2nd edition. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2017. P. 68–82.

Vorkachev S. G. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kontsepta lyubvi v russkoi i ispanskoi paremiologii [Ethnic-cultural peculiarities of the concept of love in Russian and Spanish paroemiology]. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki* [Scholarly Communications of Higher School. Philological Sciences] 1995, No. 3. P. 56–66.

Vrt. — Vrtel-Wierczyński S. *Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do r. 1543* [A Selection of Old Polish Texts. The Earliest Times before 1543]. Warszawa, 1969.